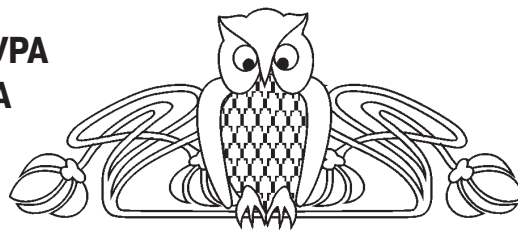

УДК 94(44)»72»Пакье

ФРАНЦУЗСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГУМАНИСТА Э. ПАКЬЕ

И. Я. Эльфонд

Саратовский государственный социально-экономический институт
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: iyelfond@mail.ru

Статья посвящена проблеме рецепции средневековой французской литературы в эпоху Возрождения во Франции. Автор доказывает тезис о формировании двух точек зрения по этой проблеме. Теоретики «Плеяды» выдвигали критическую точку зрения, другую, эволюционистскую, предложил Э. Пакье, гуманист и друг Ронсара. Э. Пакье выдвинул концепцию единства средневековой и ренессансной французской литературы, равно как и единства старофранцузской и окситанской литературы, и настаивал на влиянии последней на раннюю итальянскую поэзию эпохи Возрождения. Концепция развития французской литературы Э. Пакье (он вводит новый термин «bonnes lettres» для обозначения всех письменных памятников) вполне корреспондируется с его общей теорией цивилизации и прогресса.

Ключевые слова: культура, цивилизация, литература Ренессанса, французский гуманизм, «Плеяда», окситанская поэзия, средневековая французская литература, итальянская поэзия Ренессанса.

French Medieval Literature in Historical Concept of Humanist E. Pasquier

I. Ya. Iyelfond

The paper deals with a problem of reception of medieval French literature during the Renaissance in France. The author claims the thesis of formation of two points of view with that matter. The critical one formed by theorists of «Pleiade», and evolutionary by humanist and Ronsard's friend E. Pasquier. The latter proposed the concept of unity of medieval and Renaissance French literature as well as unity of literature of langu'd'oil and langue d'oc and stating the influence of oxitaine literature on the genesis of early Renaissance Italian poesy. Pasquier's concept of French literature (he suggests the new term «bonnes letters») corresponds with his theory of civilization and progress.

Key words: culture, civilisation, Renaissance literature, French humanism, Pleiade, oxitaine poesy, medieval French literature, Italian Renaissance poesy.

В культуре Ренессанса слово занимает особое место. Применительно к Франции нередко саму историю Возрождения начинают с выхода в свет знаменитого трактата «Защита и прославление французского языка» Жоашена Дю Белле (1549), значение которого выходит далеко за рамки теории языка. Трактат стал художественной программой «Плеяды» и ознаменовал оформление высокого идеала национальной культуры и искусства во Франции. Среди многих задач

«Плеяды» главной оставалась задача создания новой литературы и поэзии, которая оказалась бы способна возвеличить Францию, поставив язык и литературу на уровень лучших творений Античности и итальянского Ренессанса. Язык и литература впервые осмысливаются как явления, свидетельствующие об уровне развития народа, и в особенности его культуры, по сути, они понимаются как вербальная основа культуры. Высокие требования к новой литературе и языку означали необходимость знания древних языков, искусства, науки, философии и истории, сочинений античных и современных авторов. Тезис о необходимости следования античным образцам ориентировал на знание именно древних авторов и подражание им. Но такая постановка вопроса неизбежно порождала проблему рецепции предшествующей литературы Франции, в частности средневековой.

«Плеяда» критически относилась не только к средневековому литературному наследию, но и к поэтическому творчеству своих старших современников – Клемана Маро и Меллена де Сен-Желе¹. Естественно, что к средневековым поэтам отношение было еще более негативным, так, что Дю Белле от имени нового литературного движения отмечал, что «изо всех старых французских поэтов только Гийом де Лоррис и Жан де Мён достойны того, чтобы их читали, не столько за то, что у них есть многое, чему должны следовать современные писатели, сколько за то, что у них можно видеть как бы прообраз французского языка, почитаемого за свою древность»². Снисходительный тон и жесткий отбор доказывают, что «Плеяда» довольно негативно относилась к средневековой французской литературе.

Однако параллельно оформилась и иная точка зрения – Т. Себилле в своем «Поэтическом искусстве», написанном почти одновременно (в 1548) с трактатом Дю Белле, не отказывался от старого опыта и рассматривал историю литературы, суммируя поэтический опыт XVI в. и обращаясь к анализу средневековых форм, не отрицая их, как и опыта Средневековья. Еще до Себилле к проблеме рецепции литературы прошлого и ее великих авторов (Кретьен де Труа, Ален Шартье, Гийом де Лоррис, Жан де Мён, Гийом Кретен) обратился гуманист-печатник Жоффруа Торн³, который, как указывал Пакье, «в 1526 году напечатал книгу «Цветущий луг», где с высокой эрудицией излагает свой взгляд по рассматриваемой проблеме»⁴.

В этом контексте завязавшегося спора представляет интерес третья точка зрения, сформулированная Э. Пакье. Гуманист вошел в историю прежде всего как крупнейший историк-эрудит, у которого достаточно много достоинств. Но он известен также как ближайший друг Ронсара, человек, близкий к «Плеяде», и один из сторонников партии политиков, резко негативно относившийся к гражданским войнам и пришедший к программе веротерпимости. Кроме того, он был и поэтом, оставив в своем «Монофиле» ряд стихов. Историческая концепция Пакье отличалась важной особенностью: он настаивал на том, что показателем уровня развития каждого народа является степень его цивилизации. Для него это означало, что в истории важен не факт успешных завоеваний или расширения территории, а урбанизация и создание национальной культуры, которую он усматривал, прежде всего, в развитии языка и литературы. Пакье как историк настаивал на синтезной концепции этногенеза народов и их языков, что сыграло свою роль и в оценках культуры и литературы. Он разделял общую идею историков своего времени: стремление доказать древность своего народа и последовательное, системное развитие всех явлений, возникших в процессе этногенеза, – социальной структуры, институциональной истории, национальной церкви, городов, образования (университетов) и, наконец, языка и литературы, которым он отводит специальные главы своего, подчеркиваю, исторического исследования⁵.

Французскую литературу в целом гуманист рассматривает как «духовное явление» и поэтому стремится «возродить с помощью пера творения уже умерших поэтов», показав их подлинное значение. С этой целью он намеревается «дать обзор, поведав о ее генезисе, древности и развитии»⁶. Таким образом, в поле зрения попадает и средневековая литература, которую Пакье и не думает осуждать или отвергать, доказывая, что литература развивалась всегда, хотя и «иначе, чем у греков и римлян». Тем самым, Пакье настаивает на самобытности каждой национальной литературы и отмечает аналогичный путь развития литературы у всех европейских наций (в Италии, Испании, Германии, Англии)⁷. Он говорит о значении введения в поэзию рифмы, но полагает, что «даже нерифмованные латинские сочинения достойны изучения и носят следы древнейшей традиции»⁸. Начало французской литературы он относит ко времени правления Людовика VII, называя точную дату, – 1154 г. Отцом-основателем ее он считал некоего Леония, каноника Сен-Бенуа (впоследствии монаха Сен-Виктора), который «создал 12 книг в героических стихах по Библии от книги Бытия до книги Руфь»⁹. Анализу средневековой литературы, в частности поэзии, посвящена третья глава 7-й книги «Изысканий о Франции» («О древности и развитии нашей французской литературы»). Оценки гуманиста

достаточно трезвы. Пакье отмечал, что на раннем этапе великие поэты неизвестны, и такое явление нормально, поскольку «искусство и наука имеют свои перевороты (révolutions) и переходят из одной страны в другую»¹⁰. Логично, что в момент зарождения литературы «долго существовало невежество»¹¹. Однако Пакье утверждает, что «при Филиппе Августе литература (bonnes lettres) начала развиваться, свидетельство чему – творение Галтеруса «Роман об Александре» и вклад в нее великого Петра Абеляра»¹², а также мастерство в литературе не только Абеляра, но и Элоизы. Таким образом, он причисляет к литературным явлениям даже эпистолярное творчество, а далее впервые упоминает эпос, жести и роман, отмечая, в частности, роман об Ожье Датчанине и в особенности роман о Берте Большеногой, пересказывая его фабулу. Он подчеркивает не только древность и простоту слога, но и, ссылаясь на своего предшественника Жоффруа Тори, значение этих сочинений, утверждает, что авторы героических поэм впервые «продемонстрировали величие древнего языка»¹³. Характерен термин, употребляемый Пакье, – *bonnes lettres* в его понимании объединяют все формы прозы и поэзии, первые драматургические опыты (фарс о мэтре Патлене), эпистолярные памятники и даже исторические сочинения («Хроника» Фруассара).

Но, собственно, изящество стиля он связывает (как и Дю Белле) с «Романом о розе», историк ставит его авторов (Жана де Мёна и Гийома де Лорриса) необычайно высоко. По его мнению, по значимости «их можно сопоставить с итальянским поэтом Данте»¹⁴, а философские, нравственные и художественные достоинства их творчества настолько значительны, что «их следует уберечь, как и многих других, от забвения»¹⁵. Последнее доказывается тем, что К. Маро испытал влияние этого сочинения. Очень важен в его оценках социальный момент: Пакье считает, что национальная литература была широко распространена в средневековом французском обществе, в самых разных его слоях, «национальная поэзия была популярна как среди простого народа (*esprits du commun peuple*), так и среди принцев и вельмож Франции»¹⁶. Среди французских поэтов он выделяет Тибо Шампанского, Рауля де Суассона и Пьера Моклера, герцога Бретонского, к ним он причисляет и Карла Анжуйского (будущего короля Неаполя). Пальму первенства он отдавал Тибо, «создавшего множество любовных песен в честь королевы Бланки Кастильской»¹⁷. Как очень важный культурный факт, Пакье отмечает, что французская поэзия была неразрывно связана с музыкой («в начале каждой строфы многих из этих песен помещались ноты, так чтобы стихи можно было петь»¹⁸).

Особый восторг у гуманиста вызывает творчество Кретьена де Труа. Судя по всему, и в этом вопросе авторитетом для него был Жоффруа де Тори. Пакье фиксирует, что Кретьен посвятил

«Персиваля» графу Фландрскому, ссылаясь на трактат Тори. Он говорит о существовании множества рыцарских романов, с которыми ознакомился благодаря сведениям, взятым из специальной книги Клода Фоше. Существенно, что Пакье подчеркивает значение княжеских дворов для развития жанра рыцарского романа, в частности средневекового фландрского двора, в особенности при графе Филиппе, где хозяева покровительствовали развитию литературы. Как пример такого участия, гуманист называет создание романа об Ожье, т. е. Хольгере Датчанине.

Представляется, что принципиально важным в очерке истории развития французской литературы является появление в «Изысканиях о Франции» главы, посвященной провансальской, точнее, окситанской поэзии. Прежде всего, ее наличие подтверждает теоретическую культурно-историческую позицию Пакье. Он настаивает, что в процессе развития цивилизации и истории французского народа присутствовало слияние воедино многих явлений. Данный общий тезис гуманист распространяет и на процесс развития литературы. Но при этом Пакье выстраивает довольно сложную схему. По его мнению, окситанская поэзия трубадуров оказала огромное влияние на развитие итальянской лирики Проторенессанса. Более того, он полагает, что завершение провансальской поэзии определяет начало итальянской лирики. Важность этого положения имела вполне актуальный характер: Пакье вступает в косвенный спор с «Плеядой». Ее теоретики ориентировали на следование не только за античными, но и итальянскими ренессансными поэтами. Пакье, выдвигая свое положение, как бы спрашивал – стоит ли так отвергать средневековую национальную литературу, чтобы следовать за итальянской новой поэзией, которая не побрезговала изучить и усвоить уроки французской литературы. Ведь, по сути, культивировать творчество Данте и Петрарки (а глагол «петраркизировать» уже широко употреблялся во Франции)¹⁹ означает возвращение к собственным корням, поскольку провансальская поэзия является органической частью французской литературы. Так что обращение к итальянской традиции, собственно, ведет только к необходимости пристального изучения своей национальной литературы. Вероятно, этот тезис для него принципиально важен, так что прежде обратиться самому к рассмотрению наследия трубадуров, Пакье ссылается на аналогичную (вполне, кстати, верную) позицию итальянских гуманистов. Он, несомненно, знаком и с «Книгами о любви» Марио Эквинолы, и с сочинением Пьетро Бембо «Книги о любви», наконец, с трактатом по теории литературы «отца учености» (по определению Т. Тассо) Спероне Спероне «Диалоги о языках», которым, как известно, широко пользовался и Дю Белле в своем вышеупомянутом сочинении.

По мнению Пакье, если сами итальянцы признают подобное воздействие, то «так и сле-

дует считать»²⁰. Однако он полагает, что сама первопричина развитых франко-итальянских культурных связей на заре Ренессанса обусловлена исторической ситуацией. Тот факт, что «папы держали свой двор в Авиньоне», по его мнению, доказывает правильность суждений итальянских гуманистов; провансальская поэзия, он считал, широко распространилась благодаря культурной деятельности графов Прованса, в особенности последнего – Раймона Беранжера. Поэтому «итальянцы и восприняли от провансальских поэтов их многие прекрасные сочинения»²¹. И далее показательная фраза: которые (сочинения) они и «трансплантировали в свой народный язык vulgaire»²², (т. е. volgare. – И. Э.). Вывод делается показательный: «я и в самом деле оказался бы неблагодарным по отношению к собственной Франции, если бы не разделял преклонения итальянцев перед ними»²³.

Пакье анализирует поэтические формы трубадуров, выделяя сонеты, пасторали (пастуреллы), песни (кансоны), сирвенты и тенсоны. Сирвенты, по его определению, представляли собой сатиры, направленные против императоров, королей, принцев, а иногда и против лиц духовного звания. Тенсоны – это диспуты о любви. При анализе форм Пакье определяет ареал распространения окситанской поэзии, он оговаривает, что это явление характерно не только для Прованса, но и Дофине, Лангедока, Аквитании и других близких территорий региона. В принципе гуманист опирается на вполне конкретный источник информации: «Жизнеописание трубадуров» Жана Нострадама²⁴, брата Мишеля Нострадамуса. Поскольку это сочинение было опубликовано в 1575 г., очевидно, что Пакье данную главу вставил в свое сочинение уже в изданиях, последовавших после этого года. Характерен метод гуманиста: он не просто излагает ту информацию, которую приводит Нострадам, но критически оценивает и интерпретирует ее. Так, Пакье пытается установить количество трубадуров и сравнивает данные различных авторов. Нострадам называет 75 трубадуров²⁵, но Пакье считает, что это число не соответствует точным данным и пытается откорректировать его. С этой целью он ссылается на неизвестную средневековую книгу, которую использует Пьетро Бембо в своем трактате. Согласно ее данным, приведенным Бембо, трубадуров насчитывалось 96. Пакье не спорит со специалистом, по его мнению, «очевидно, что некоторых Нострадам просто забыл»²⁶. Однако и эти уточненные данные он полагает неточными и утверждает, исторически существовало еще более 20 трубадуров. К их числу он относит исключительно представителей знати, перечисляя Фридриха Барбароссу, Ричарда Львиное Сердце, графиню де Диа, Раймона Беранжера, графа Прованса, Петра II, короля Арагонского, ошибочно Дофина Овернского (Дофин в данном случае – личное имя, а не титул), графа Пуату, т. е. Вильгельма Аквитанского. Самое любопытное, что многие

из этого дополнительного списка фигурируют и у Нострадама (например, Фридрих Барбаросса).

Пакье с огромным удовольствием отмечает, что Петрарка в 4-й книге «Триумфа любви», давая общий перечень греческих, латинских и итальянских поэтов, которые прославляли в своем творчестве любовь, называет и 15 или 16 трубадуров, причем первым упоминает Арнаута Даниэля.

Анализ творения Нострадама и средневековых жизнеописаний и разо свидетельствует о том, что Пакье верен принципам гуманистической критики источника: он нередко вступает в полемику со своими предшественниками. Здесь показательны две истории – интерпретация романтической «дальней любви» Джауфре Рюделя и истории любви Рамбаута де Вакейраса.

Вслед за Нострадом Пакье упоминает о службе Рюделя у Джеффри, брата Ричарда Львиное Сердце, и гуманист переходит к изложению знаменитого разо о далекой любви, возникшей «благодаря рассказам паломников, вернувшихся из Леванта, об утонченности, красоте и добродетели графини Триполи»²⁷. Подвигла его на путешествие, по глубокому убеждению Пакье, любовь, но он добавляет мотив, которого нет ни у Нострадама, ни в жизнеописаниях трубадуров. Дворянская гордость побудила Рюделя прикрыть истину паломничеством: «для того, чтобы не стать объектом насмешек, он распространил слух, что собирается в паломничество, говоря, что хочет посетить святые места в Иерусалиме»²⁸. Похоже на истину, по мнению Пакье, утверждение Петрарки, который полагал, что эта любовь осталась неразделенной. Здесь он отходит от текста Нострадама, который уточняет, что «графиня явилась на корабль и взяла пиита за руку... он был столь нежно и ласково привечен»²⁹.

Очень характерно расхождение Пакье со своими предшественниками в отношении гибели Рюделя: «к довершению бедствий Жоффруа заболел так сильно, что моряки хотели избавиться от него свой корабль и оставить его на волю волн»³⁰. Пакье доказывает свою версию ссылкой на Петрарку: «вот почему и Петрарка добавляет, что Жоффруа Рюдель был оставлен в море, чтобы встретить свою смерть»³¹. Петрарка в своем шестом трубадуров в «Триумфах» действительно бросает фразу о том, что «на гибель обрекли Жофре Рюделя весло и парус», но не о том, что он был брошен в море. Нострадам не упоминает вообще такого эпизода, он говорит лишь о намерениях корабельщиков, но сама смерть трубадура в его трактовке происходит на руках графини, которая к тому же «велела похоронить его в роскошной и почетной гробнице из Порфира»³². Спутник трубадура Бертран (д'Алламанон) не только сохранил его наследие, но графине Триполи «преподнес все его песни и кансоны, сложенные в ее честь»³³. Пакье отмечает, вслед за Нострадом, что «Бертран передал ей остатки сочинений умершего»³⁴, но при этом вводит неизвестный предшественнику

мотив «с целью утешить ее». Как видим, версия Пакье серьезно отличается не только от предшественников, но и от будущей пьесы «Принцесса Греза» Э. Ростана тем, что графиня Триполи неблагоприятна к обоим искателям, и версией смерти Рюделя. Пакье подвергает критике и другие биографии и разо.

Еще более любопытна его интерпретация истории любви другого трубадура. Он отбрасывает легенду, что тот прославился благодаря сочинениям в честь принцессы Беатрисы Монферратской, по его мнению, это «ничего общего не имеет с действительностью (precedente)»³⁵. Вообще весь этот эпизод очень показателен. Гуманист вполне в духе идей придворно-рыцарского французского Ренессанса сознательно меняет не только статус, но и имя своего героя, точнее заменяет персонаж. Во всех других сведениях об этой истории речь идет о трубадуре Рамбауте де Вакейрасе, Пакье приписывает приключение Рамбауту д'Ауренга, то есть представителю знати (принцу Оранском). История выглядит совершенно иначе. Согласно Пакье, трубадур «действительно был при дворе Бонифация в 1218 году и его приняли с почестями»³⁶. Но подобный прием, утверждает Пакье, был обусловлен тем, что трубадур был дворянином знатного рода, что и породило конфликт.

По мнению гуманиста, принцесса Беатриса с самого начала была недовольна как любовью Рамбаута, так и стихами, посвященными ей, и просила покинуть двор³⁷. Но Нострадам говорит о другом: «Беатриса питала к нему страстное чувство, но, будучи принцессой рассудительной, совершенно отдалилась от него, дабы не вызвать подозрений у мужа»³⁸; а в первом же разо, посвященном Рамбауту де Вакейрас, рассказывается о том, что «мадонна Беатрис сказала ему, что и он ей желанен»³⁹. Пакье в своей концепции любви считал, что идеальная любовь присутствует только в браке, и по этой причине мольбы дамы вызывались тем, что «она уже была замужем и не желала вызвать малейшее подозрение мужа»⁴⁰. Отсюда и нетипичная ситуация: героиня требует, чтобы трубадур покинул двор. Пакье заимствует (без лингвистических деталей) эпизод Нострадама о стихотворении, написанном на пяти языках (провансальском, тосканском (итальянском), французском, гасконском патуа и испанском), но добавляет совершенно иную, чем в оригинале, причину такого лингвистического разнообразия – жажду мщения: неблагодарность дамы возмутила принца Оранского, так что он как дворянин и подлинный поэт пожелал отомстить столь необычным образом. Следовательно, Пакье излагает факты биографий и мотивацию поступков трубадуров, критически интерпретируя данные Нострадама и средневековых биографий и разо.

Пакье отмечает, что популярность окситанской культуры и поэзии продолжалась долго, и связывал это с культурной политикой двора графов Прованса вплоть до гибели королевы

Неаполя Джованни I. По его мнению, только «после смерти ее всему был положен конец», и лишь «итальянцы честно сохраняют память»⁴¹ о них. Он специально устанавливает эту прямую связь между Италией и Францией, чтобы доказать значимость Данте и Петрарки, подлинных «источников поэзии», которые «берут свои истоки в нашей провансальской поэзии»⁴². Данте действительно уделяет большое внимание трубадурам. Он упоминает в «Божественной комедии» многих их них⁴³. Кроме того, уделяет им особенное внимание в трактате «О народном красноречии», прославляя целый ряд трубадуров, и прежде всего Бертрана де Борна, Арнальда Даниеля, Геро де Борнеля, а также Сорделло и Фолька Марсельского⁴⁴. Все это служит не только возвеличению поэзии на языке Лангедока, но и провансальская поэзия занимает особое место в оценках трубадуров.

Гуманист не ограничивает ценность французской литературы Средневековья только поэзией, но уделяет большое место эволюции прозы. Пакье дает свою схему формирования французской литературы. В эпоху Средневековья, констатирует он, «вместо поэзии, которая должна была прославлять подвиги храбрых рыцарей и великих вельмож, начинает среди нас развиваться новая форма литературы, которая описывает эти подвиги в прозе»⁴⁵. Речь идет о рыцарском романе, и он выделяет два основных направления его развития во Франции. По его мнению, «одни авторы обращались к подвигам Карла Великого и его дружинников, а другие – к истории короля Артура Бретонского и его рыцарей, которые назывались рыцарями Круглого стола»⁴⁶. Вероятно, он сближает с собственно рыцарским романом и части королевской жести. Но самое важное в этом анализе – его оценки нового жанра. Трудно даже представить себе, что в эпоху расцвета французского Ренессанса последователь «Плеяды» может давать столь высокие оценки рыцарскому роману. В его трактовке «книги, созданные умелым пером, много сделали для того, чтобы развить и усовершенствовать наш язык»⁴⁷. Правда, следует указать, что, к примеру, «Амадис Галльский» сохранял свою популярность даже в XVII в. Но развитие литературы шло постоянно и непрерывно, хотя, как отмечает Пакье, «с изменчивостью времени все менялось»⁴⁸. И хотя французская поэзия находилась на втором плане в период господства романа, в ней «разрабатывались новые формы, неизвестные древнейшим из французских поэтов»⁴⁹. К этим формам Пакье относит королевские песни, баллады и рондо и оценивает их художественные достоинства абсолютно иначе, чем его друзья по «Плеяде». Дю Белле крайне резко отзывается о названных жанрах, по его мнению, поэт должен оставить «все старые французские стихи Тулузских Цветочных игр и Руанского Холма, все эти рондо, баллады, вирилэ, королевские песни, песенки... которые портят вкус нашего языка и служат не чем иным, как свидетельством нашего невежества»⁵⁰. Па-

кье же не только рассматривает их, но и считает заслуживающими высокой оценки: «я отвожу самое почетное место королевским песням как наиболее достойному произведению этой новой поэзии»⁵¹. Балладу Пакье оценивает как более короткую форму королевской песни, в которой сохраняются и соблюдаются все правила первой формы, в дальнейшем в них появились рифмы, и установилась следующая форма – четыре десятистрочных или восьмистрочных строфы. Эти три стихотворные формы, уточняет Пакье, заметны еще и в наши дни, хотя он «представляет их читателю как архаизм».

При этом Пакье, в отличие от сторонников «Плеяды», высоко ценил сложившиеся в средние века формы организации поэтических состязаний. Он отмечал, что «всегда существовали состязания поэтов, но там не клеймили тех, кто писал хуже прочих, а, напротив, награждали почетным прозвищем короля или принца, того, кто сочинял лучше остальных, например, автор Ожье Датчанина, звался королем»⁵². Именно в этом контексте он вступает в прямой спор с Дю Белле, приводя его уничижительное высказывание о стихотворных формах Средневековья и опираясь на мнение Т. Себилле: «всем этим формам Тома Себилле посвятил специальную книгу под названием «Французское поэтическое искусство», где и рассмотрел все эти стихи»⁵³.

Расцвет новой литературы и становление новых литературных форм Пакье связывает с правлением Карла V: «Все эти королевские песни, баллады, рондо и пасторали возникают приблизительно в царствование Карла V»⁵⁴. Именно к этому периоду относительной стабилизации в течение Столетней войны, а именно тогда, по мнению гуманиста, «королевство было богатым и процветающим», он относит подъем в развитии литературы; именно тогда «зародилась и набирала силу наша литература»⁵⁵. Доказательством этого факта Пакье считает появление переводов античных авторов: «тогда епископ Лизье, мэтр Никола Орезм перевел на французский язык большую часть сочинений Аристотеля»⁵⁶. Кроме того, расцвет доказывается и возникновением новой поэзии и исторических сочинений, среди которых Пакье особо выделяет Фруассара: «Я полагаю, что максимально способствовал развитию этой новой поэзии Жан Фруассар, который создал свое огромное историческое сочинение от царствования Филиппа Валуа до 1400 г.»⁵⁷. При изложении фактов Пакье последовательно подчеркивает непрерывное развитие французской литературы, наличие преемственной связи в нем. Эстафету продолжило в его изображении царствование Карла VII, и произошло это благодаря творчеству секретаря короля Алена Шартье. Пакье посвятил ему целую главу своего сочинения. Процесс подъема литературы он доводит до самого вступления на престол короля Франциска I. По мнению гуманиста, «эта эпоха вскормила множество поэтов: братьев Арну

и Симона Гребана⁵⁸, Жоржа Шатлена, Франсуа Вийона, Мешино, Мулине»⁵⁹. Но особо высоко он ставит творчество того автора, который «сочинил фарс о мэтре Патлэне»⁶⁰.

Характерно, что, давая высокие оценки творчеству того или иного поэта (неважно, прошлого или настоящего), Пакье доказывает их правоту ссылками на оригинальный текст и приводит обширные цитаты из всевозможных сочинений. Показательно, что он не упоминает Карла Орлеанского как поэта, как и Рютбефа и Дешана, и фактически ничего не пишет о наследии Франсуа Вийона.

Завершает Пакье обзор средневековой литературы анализом наследия Лемера де Бельжа, переходной фигуры, особо подчеркивая характер деятельности автора «Прославлений Франции» и создателя Троянского мифа во Франции. Пакье усматривает значение его творчества, как и великих риториков, в том, что он «обогастил наш язык множеством прекрасных сочинений в прозе и поэзии, и известно, что многим писателям нашего времени он помог во многом»⁶¹.

Естественно, что Пакье считает необходимым особо выделить эпоху «восстановителя литературы» короля Франциска I, собственный пример которого «вызвал к жизни множество творений могучих умов»⁶² в поэзии. Среди этих умов он особо выделяет Клемана Маро и Меллена де Сен-Желе, которые в его изображении «уже во чреве матери были носителями поэзии»⁶³. Так Пакье переходит к современным ему литературным направлениям, детально их анализируя далее. Характерно, что рассмотрению творчества Ронсара, Дю Белле и других своих современников он уделяет столько же места, сколько наследию средневековой французской литературы. Пакье не противопоставляет творчество «Плеяды», Рабле и других своих современников наследию прошлого, а, напротив, подчеркивает последовательную, плавную эволюцию французской литературы. Он отмечает все большее ее совершенство, как в прозе, так и в поэзии с течением времени.

Значение очерка истории средневековой литературы Франции Пакье заключается в том, что он объединяет окситанскую и старофранцузскую литературу в единое целое и подчеркивает ее приоритеты по отношению к итальянской. Профессиональный анализ достоинств средневековой французской литературы был осуществлен историком, и он же вводит новое понятие «*bonne lettres*» для характеристики литературы в целом как составной и важнейшей части национальной культуры, трактуя ее как обязательный и необходимый элемент национальной идентичности.

Примечания

¹ О генезисе «Плеяды» и культурно-исторической ситуации см. первые главы монографии Ю. Б. Виппера. См.: Виппер Ю. Б. Поэзия «Плеяды». М., 1976.

- ² Эстетика Возрождения : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 368.
- ³ О Жоффруа Тори см.: Стаф И. К. Миф и печатня : мифологизация французского языка в «Цветущем луге» Жоффруа Тори // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 253–259.
- ⁴ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1633. P. 735.
- ⁵ О наследии Пакье см.: Kelley D. Foundations of modern historical scholarship. N. Y., 1970; Sweany S. Estienne Pasquier (1529–1615) et nationalisme littéraire. P., 1985; Bouteiller P. Recherches sur la vie et la carrière d'Etienne Pasquier, historien et humaniste du XVI e siècle. P., 1989; Эльфонд И. Я. Кабинетный ученый и бури гражданских войн // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 72–82; Она же. Концепция любви гуманиста Э. Пакье // Образы любви и красоты в культуре Возрождения. М., 2008. С. 184–194.
- ⁶ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 712.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Ibid. P. 720.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ibid. P. 723.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Ibid. P. 724.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ О петраркизме см.: Якушкина Т. В. Итальянский петраркизм XV–XVI веков : традиция и канон : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
- ²⁰ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 727.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Ibidem.
- ²³ Ibid. P. 727.
- ²⁴ См.: Nostredame J. de. Les vies des plus celebres et qnciens poetes provencaux qui ont flouri du temps des comtes de Provence. В работе использовалось издание: Нострдам Жан де. Жизнеописания древних и наиславнейших питов, во времена графов Прованских процветших / пер. С. В. Петрова. М., 1993.
- ²⁵ Пакье говорит о 76, но 76-й человек – это собиратель жизнеописаний трубадуров.
- ²⁶ Pasquie E. Les Recherches de la France. P., 1633. P. 728.
- ²⁷ Ibid. P. 729.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Нострдам Жан де. Указ. соч. С. 267.
- ³⁰ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729.
- ³¹ Ibidem.
- ³² Нострдам Жан де. Указ. соч. С. 267.
- ³³ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ Вообще упоминание об этом годе свидетельствует как раз о доверии со стороны Пакье к данным Нострдама, поскольку Бонифаций II Монферратский умер в 1207 году.

- ³⁷ См.: *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729.*
- ³⁸ *Нострдам Жан де. Указ. соч. С. 284.*
- ³⁹ *Вакейрас Раймбаут де. Разо первое // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 212.*
- ⁴⁰ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729–730.*
- ⁴¹ *Ibid. P. 730.*
- ⁴² *Ibidem.*
- ⁴³ Характерно, что в текстах Данте отсутствуют упоминания о первых трубадурах. И.Я. Голенищев-Кутузов полагал, что он просто не знаком с сочинениями Маркабрюна, Рюделя и Гильема Аквитанского. См.: *Голенищев-Кутузов И. Я. Данте и средневековая культура // Творчество Данте и мировая культура. М., 1961. С. 121.*
- ⁴⁴ См.: *Данте Алигьери. О народном красноречии. Книга 1 // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.*
- ⁴⁵ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 731.*
- ⁴⁶ *Ibidem.*
- ⁴⁷ *Ibidem.*
- ⁴⁸ *Ibidem.*
- ⁴⁹ *Ibidem.*
- ⁵⁰ *Дю Белле Ж. Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 256–257.*
- ⁵¹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 731.*
- ⁵² *Ibid. P. 734.*
- ⁵³ *Ibid. P. 739–740.*
- ⁵⁴ *Ibid. P. 734.*
- ⁵⁵ *Ibidem.*
- ⁵⁶ *Ibidem.*
- ⁵⁷ *Ibidem.*
- ⁵⁸ Создатели знаменитых мистерий «Подлинной мистерии о страстях Господних» и «Мистерии о деяниях апостолов»
- ⁵⁹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 735.*
- ⁶⁰ *Ibidem.*
- ⁶¹ *Ibidem.*
- ⁶² *Ibidem.*
- ⁶³ *Ibid. P. 736.*

УДК 94(460).087

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПАНСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Д. М. Креленко

Статья посвящена анализу соблюдения статуса нейтрального государства, как самой Испанией, так и ее партнерами, относящимися к противостоящим лагерям. В работе затрагиваются вопросы изменения экономической ситуации и последствия активизации внешней торговли Испании в годы войны. Особое внимание уделено эволюции внешнеполитического курса страны и прецедентам, связанным с нарушением испанского нейтралитета на протяжении 1914–1918 годов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Испания, нейтралитет, внешняя политика, Антанта, Тройственный союз.

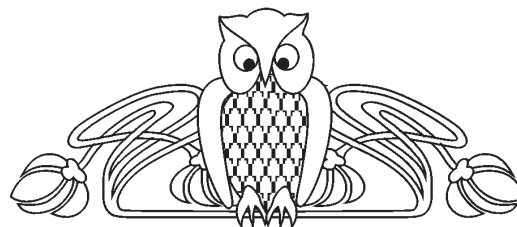
Spanish Neutrality During the First World War: Selected Aspects

D. M. Krelenko

The article analyses the maintenance of neutrality by Spain as well as its partners belonging to opposing sides. The article touches upon the issues of alterations in the economic situation and consequences of the facilitation of Spanish international trade in WWI. The author focuses on the development of the country's foreign policy and the cases when Spain infringed the neutrality during 1914-1918.

Key words: WWI, Spain, neutrality, foreign policy, Triple Entente, Triple Alliance.

Внешняя политика Испании в канун Первой мировой войны имела фундаментом комплекс соглашений с западными участниками «сердечного соглашения», достигнутыми в Альхесира-

се и Картахене. Альхесираские соглашения, касающиеся раздела Марокко, известны достаточно хорошо и не требуют дополнительного комментария. В контексте испанской проблематики решения, достигнутые в Альхесира-се, означали лишь запрограммированную ими привязку Мадрида к политической линии Антанты. Наделив Испанию правом определения судьбы прилегающей к Гибралтару части Марокко, Лондон и Париж не только устранили риск взаимного трения, но и исключили возможность испано-германского сближения. Испанский король Альфонс XIII отныне не мог расстаться с прогнозируемыми экономическими выгодами от эксплуатации испанской зоны султаната, а кроме того утратить авторитет «реаниматора» империи. В Берлине Вильгельм II отныне полагал своего испанского подражателя соучастником творцов «штальринга», препятствующих обретению его Второй империей достойного места под солнцем. Впрочем, невнимание столпов германской политики к Испании и ее действиям косвенно свидетельствует о заведомой уступке в иберийском вопросе¹.

Тем не менее надежный клин в германо-испанские отношения требовал совершенствования. Выплатив Испании аванс в виде охваченных перманентным конфликтом марокканских территорий, партнеры затребовали дополнительных